

БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь хотелось бы поблагодарить Рэя Долана, товарища по пешим прогулкам и старого друга, за многолетние плодотворные дискуссии. Также хочу поблагодарить Галена Строусона, Крейга Рейна, Тима Гартона Эша и старшего инспектора Эймона Макэйфи. Неоценимую помощь оказали мне следующие авторы и книги: «О человеческой природе», «Разнообразии жизни» и «Биофилия» Э. О. Уилсона; «Мечты об окончательной теории» Стивена Уайнберга; «Инстинкт языка» Стивена Пинкера; «Ошибка Декарта» Антонио Дамасио; «Моральное животное» Роберта Райта; «Книга о человеке» Уолтера Бодмера и Роберта Макки; «Джон Китс» Роберта Гиттингса; «Уильям Вордсворт. Биография» Стивена Джилла.

Вспомнить начало легко. Было солнечно, мы сидели под дубом, укрывшись от сильного порывистого ветра. Я стоял на коленях в траве, держа в руке штопор, Кларисса протягивала мне бутылку — «Дом Гассак» урожая 1987 года. Этот момент — флажок на карте времени: я протянул руку, и когда холодное горлышко и черная фольга коснулись моей ладони, мы услышали крик. Кричал мужчина.

Мы обернулись к полю и увидели, что случилось несчастье. В следующую секунду я уже мчался туда. Время меж этих моментов исчезло: я не помню, как выронил штопор, или как вскочил на ноги, или как принял решение; не услышал, что Кларисса крикнула мне вдогонку. Какой идиотизм — броситься в эту историю, со всеми ее лабиринтами, оставив наше счастье в нежной весенней траве под дубом. Снова раздался крик и — еле уловимый из-за шумящего в кронах ветра — детский плач. Я побежал быстрее. С разных сторон поля еще четверо мужчин бежали туда же.

Я гляжу на нас со стометровой высоты глазами ястреба, что недавно парил над нами, кружил и ны-

рял в бурные воздушные потоки: пятеро мужчин молча бегут к центру большого поля. Я приближаюсь с юго-востока, и ветер подталкивает меня в спину. Слева от меня, метрах в двухстах, бегут бок о бок двое, работники с фермы, чинившие ограду у южного края поля, там, где оно граничит с дорогой. На некотором расстоянии за ними несется Джон Логан, чья машина брошена с распахнутой дверцей или дверцами у кромки поля. Зная то, что я знаю теперь, со странным чувством я представляю напротив себя фигуру Джеда Перри, бегущего против ветра с противоположной стороны от пляжа. Мы с Перри для ястреба — крошечные существа, наши рубашки — ослепительно белые пятна на зеленом фоне, мы, как любовники, несемся навстречу друг другу, не зная, в какие неприятности ввязываемся. До столкновения, которое лишит нас покоя, еще несколько минут, и вся его чудовищность скрыта от нас не только временем, но и колоссом в центре поля; он манит нас с силой, которая непропорционально больше ничтожных человеческих бед.

Что же делала Кларисса? Она говорит, что быстро пошла к центру поля. Не знаю, как ей удалось не бежать. Но к началу происшествия — падению, о котором я собираюсь рассказать, — она почти догнала нас и могла отлично все видеть, не связанная участием, стропами, криками и фатальной нехваткой взаимопонимания.

Произошедшее сформировалось из наблюдений Клариссы и наших с ней бесконечных обсуждений; укос — вот подходящее определение случившегося в

тот день на поле, ожидающем летнего покоса. Укос, второй урожай травы, выросшей после и из-за того, первого, покоса в мае.

Я мешкаю, тяну с рассказом. Я задерживаюсь на предшествующем, ибо тогда еще были возможны другие развязки; с высоты ястребиного полета сближение шести фигур на зеленой плоскости — успокаивающая геометрия, легко узнаваемый символ бильярдного стола. Исходные условия, сила и направление этой силы определяют все последующие траектории, все углы столкновения и отскока, и верхний свет заливает поле, зеленое сукно с движущимися объектами, внося ободряющую ясность. Я полагаю, что до момента встречи наше движение навстречу друг другу было исполнено математического изящества. Я так подробно описываю диспозицию, указывая сравнительные расстояния и стороны света, потому что начиная с того момента я вообще перестал ясно осознавать, что происходит.

Куда мы так бежали? Не думаю, что кто-нибудь знал это толком. Самый простой ответ — к шару. Речь не об условном пространстве, отведенном для реплик или мыслей персонажа комикса; и не о шарике, наполненном горячим воздухом. Это был огромный шар с гелием, природным газом, скованным из водорода в ядерном горниле звезд первым, в начале сотворения многочисленных и разнообразных материй Вселенной, включая нас самих и все наши мысли.

Мы бежали навстречу катастрофе, которая сама по себе была своеобразным горнилом, где личности и судьбы переплавлялись в новые формы. К шару крепилась корзина, в ней был мальчик, а рядом цеплялся за стропы мужчина, и ему нужна была помощь.

Не будь воздушного шара, тот день все равно остался бы в памяти, но более приятным воспоминанием — воспоминанием о встрече после шестинедельной разлуки, самой долгой за семь лет нашей с Клариссой жизни вместе. По дороге в аэропорт Хитроу я сделал крюк на Ковент-гарден и нашел какую-то полулегальную парковку рядом с «Карлуччо»¹. Зашел туда и набрал продуктов для пикника, главным лакомством которого должна была стать большая головка моццареллы, которую продавец выудил из глиняной бочки деревянной лопаткой. Еще я купил маслин, готовый салат и фокаччу². Затем поспешил на Лонг-Акр в «Бертрам Рота»³, чтобы получить подарок, заказанный ко дню рождения Клариссы. Не считая квартиры и машины, это была самая дорогая покупка в моей жизни. Казалось, эта редчайшая маленькая книжечка излучает тепло: выходя из магазина, я чувствовал его сквозь толстую коричневую упаковку.

¹ «Карлуччо» — магазин итальянских деликатесов. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Фокачча — пряный хлеб.

³ «Бертрам Рота» — известный букинистический магазин.

Через сорок минут я изучал на табло расписание прилетов. Бостонский самолет приземлился только что, и я прикинул, что ждать придется еще полчаса. Если кто-то захотел бы доказательств дарвиновского утверждения, что все проявления человеческих эмоций в общем одинаковы и генетически predetermined, ему хватило бы нескольких минут в четвертом зале прилетов аэропорта Хитроу. Я видел одинаковую радость и одинаковые, неудержимо вспыхивающие улыбки на лицах нигерийской мамы, тонкогубой шотландской бабушки, бледного, сдержанного японского бизнесмена, когда, толкая перед собой тележки для багажа, в толпе встречающих они вдруг видели знакомую фигуру. Приятно замечать непохожесть людей, но так же радуется и сходство. Я стоял и слушал, как с одинаковой падающей интонацией, на выдохе, двое людей произносят имя, пробираясь сквозь толпу, чтобы обнять друг друга. Как это — мажорный второй слог, минор на втором или как-то иначе? Па-па! Иолан-та! Хо-би! Нз-е! Была еще другая нота, тихая, обращенная к серьезным и настороженным лицам малышей их долго отсутствовавшими папами и дедушками, льстивая и умоляющая о немедленном возвращении любви. Хан-на? Том-ми? Узнаешь меня?

Разворачивались и личные драмы: отец и сын-подросток, видимо турки, застыли в долгом безмолвном объятии, может быть, прощая друг друга, а может, скорбя по какой-то утрате; близнецы, дамы под пятьдесят, с явным отвращением приветствовали друг друга касанием рук и поцелуями в про-

странство около щеки; посаженный на плечи отца, которого он не признал, маленький американский мальчик кричал, чтобы его спустили на пол, к досаде своей усталой матери.

Но в основном вокруг были улыбки и объятия, и за тридцать пять минут я увидел более пятидесяти театральных хеппи-эндгов, только каждая сценка была сыграна чуть хуже предыдущей, и, эмоционально опустошенный, я даже детей начал подозревать в неискренности. Я размышлял, насколько убедителен могу быть теперь при встрече с Клариссой, когда она похлопала меня по плечу. Пропустив меня в толпе, она подошла с другой стороны. Моя отстраненность мгновенно испарилась, и я произнес ее имя, не выбившись из общей интонации.

Меньше чем через час мы припарковались у обочины дороги, ведущей через буковые рощи в Чилтерн-Хиллз, что неподалеку от Кристмас-Коммон. Пока Кларисса переобувалась, я сложил припасы для пикника в рюкзак. Мы пошли по тропинке, держась за руки, еще опьяненные встречей; и привычное в ней: размер и ощущение ее руки, голос, теплый и спокойный, бледная кельтская кожа и зеленые глаза — все было новым, словно озарилось незнакомым светом, напомнившим мне наши первые встречи и долгие месяцы влюбленности. Или, представилось мне, я стал другим мужчиной, соперником, отбивающим ее у меня. Когда я сказал ей об этом, она засмеялась и заявила, что я самый озабоченный дурачок на белом свете; и, остановив-

шись, чтобы поцеловаться и обсудить, не отправиться ли нам напрямик домой, в постель, мы заметили сквозь свежую листву наполненный гелием шар, сонно дрейфующий к западу над поросшей лесом долиной. Мы не разглядели ни мужчины, ни мальчика. Помнится, я подумал, но не сказал, насколько рискованно пользоваться транспортом, подчиняющимся воле скорее ветра, нежели пилота. Затем мне пришло в голову, что, может быть, вся прелесть как раз и заключается в этой естественности. А потом я забыл об этом.

Мы двигались через Колледж-Вуд в сторону Писхилла, останавливаясь, чтобы полюбоваться молодой зеленью буков. Каждый лист, казалось, сиял изнутри. Мы говорили о безупречности этого цвета, о весенней буковой листве и о том, как светлеет в душе при взгляде на нее. Мы углублялись в лес, а ветер крепчал, и ветви скрипели, как ржавые. Дорога была нам знакома. Это место, несомненно, красивейшее среди тех, что можно найти в часе от центра Лондона.

Мне нравились склоны и холмы этих полей, покрытых щербнем и известняком; тропинки, что убегают и теряются в темноте среди буков; довольно заброшенные, влажные низины, где густой поблёскивающий мох покрывает гниющие стволы деревьев и изредка, мельком, можно увидеть продирающегося сквозь подлесок оленя.

Двигаясь на запад, мы говорили в основном об исследовании Клариссы — о Джоне Китсе, умирающем в Риме, в доме у подножия Испанской лест-

ницы, где он временно поселился со своим другом Джозефом Северном. Возможно ли, что существуют еще три или четыре неопубликованных письма Китса? Могло ли одно из них быть адресовано Фанни Брон? У Клариссы были основания так думать, потому часть годового отпуска, отведенного на научную работу, она провела, путешествуя по Испании и Португалии, разыскивая дома, где знали Фанни Брон и Фанни, сестру Китса. Теперь она возвращалась из Бостона, где работала в Хьюстонской библиотеке в Гарварде, пытаясь разобраться в переписке дальних родственников Северна.

Последнее известное письмо Китса было написано им почти за три месяца до смерти и адресовано старому другу Чарльзу Брауну. Там он высокомерно бросает — мимоходом, почти в скобках — великолепный художественный образ: «...изучение контрастов, восприятие света и тени — все эти познания (в примитивном смысле), необходимые для поэзии, являются злейшими врагами излечения желудка». Именно в этом письме содержится знаменитое прощание, столь пронзительное в своей сдержанности и учтивости: «Вряд ли сумею с Вами попрощаться, даже в письме. Я всегда так неловко откланивался. Благослови Вас Господь! Джон Китс». Однако биографы единодушны, что Китс писал это письмо во время ремиссии туберкулеза, которая продлилась еще десять дней. Китс посетил виллу Боргезе, прогулялся на Корсо. С удовольствием послушал Гайдна в исполнении Северна; возмущившись качеством стряпни, кинул в окно свой обед и даже подумывал

о новом стихотворении. Если письма этого периода действительно существовали, с какой стати Северну или, что более вероятно, Брауну их утаивать? Кларисса считала, что ей удалось найти ответ в нескольких фразах из переписки дальних родственников Брауна в 1840-е годы, но она хотела найти больше доказательств и различных источников. «Он знал, что никогда больше не увидится с Фанни, — сказала Кларисса. — В письме к Брауну он говорит, что даже вид ее написанного имени — больше, чем он может вынести. Однако он никогда не переставал думать о ней. В те декабрьские дни он чувствовал себя достаточно сильным — и он так ее любил! Легко представить его пишущим письмо, которое он и не собирался отправлять».

Я молча сжал ее руку. Я мало знал о Китсе и его поэзии, но допускал, что в такой безнадежной ситуации ему не хотелось писать именно потому, что он слишком любил ее. Позже мне пришло в голову, что интерес Клариссы к этим гипотетическим письмам как-то связан с нашими отношениями и с ее уверенностью в несовершенстве любви, не отраженной в письмах. Первое время после нашего знакомства, до того как мы купили квартиру, она писала мне страстные абстрактные послания, утверждающие исключительность и превосходство нашей любви над всеми существующими. Вероятно, суть любовного письма как раз и заключается в провозглашении уникальности. Я пытался соответствовать ей, но вся доступная мне искренность выражалась фак-